

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(5), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шастина Е. М. «Вавилонская библиотека» Элиаса Канетти / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 5. — С. 343—359. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-343-359.

Shastina, E. M., Kazakova, J. K. (2026). Elias Canetti's «Babylonian Library». *Nauchnyi dialog*, 15 (5): 343-359. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-343-359. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Вавилонская библиотека» Элиаса Канетти

Шастина Елена Михайловна

orcid.org/0000-0001-9551-5469

доктор филологических наук,
профессор

кафедры немецкой филологии,

корреспондирующий автор

shastina@rambler.ru

Казакова Юлия Константиновна

orcid.org/0000-0002-1406-9899

кандидат филологических наук, доцент

кафедры английской филологии и основ

межкультурной коммуникации

kazakova696@gmail.com

Казанский (Приволжский)

федеральный университет

(Казань, Россия)

Elias Canetti's «Babylonian Library»

Elena M. Shastina

orcid.org/0000-0001-9551-5469

Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology,

corresponding author

shastina@rambler.ru

Julia K. Kazakova

orcid.org/0000-0002-1406-9899

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of English Philology
and Fundamentals

of Intercultural Communication

kazakova696@gmail.com

Kazan (Volga region)

Federal University

(Kazan, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется роман «Ослепление» австрийского писателя Элиаса Канетти (1905—1994) как история одной библиотеки и трагедия ее владельца, утратившего связь с реальностью. Выявлено, что авторская триада — «голова без мира», «безголовый мир» и «мир в голове» — метафора, которая отражает мир «в состоянии распада» (Канетти). Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью осмысления роли библиотеки как культурного трансфера, с другой стороны, значимостью мотива «библиотека» в художественной литературе. Обращение к метафоре «Вавилонская библиотека» (Борхес) позволяет рассматривать «библиотеку» как общественную и духовную институцию, объединяющую тексты мировой литературы в некий континуум — неразрывное целое, символизирующее накопленные человечеством знания, которые хранятся и передаются из поколения в поколение. Особое внимание уделяется своеобразию повествовательной организации романа. Доказано, что провокация, пародия и парадокс в качестве аспектов нарративной стратегии усиливают авторскую интенцию, отражают писательское кредо писателя, указывающее на связь рационального и иррационального, конструктивного и деструктивного. Отмечается, что Канетти удается вызвать у читателя настоящий спектр эмоций — от удивления и возмущения до принятия разных интерпретаций, спровоцированных как автором, так и нарратором. Новизна исследования заключена в выбранном ракурсе анализа романа с позиций нарратологии.

Ключевые слова:

Канетти; Вавилонская библиотека; нарративная стратегия; провокация; пародия; парадокс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines Elias Canetti's (1905–1994) novel *Auto-da-Fé* as a chronicle of one man's library and the tragedy of its owner, who ultimately loses his connection to reality. The analysis reveals that the authorial triad— «the head without a world», «the headless world», and «the world within the head»— serves as a metaphor for a world «in a state of disintegration» (Canetti). The relevance of this inquiry stems from two primary imperatives: first, the necessity to comprehend the role of the library as a vehicle of cultural transfer; second, the significance of the «library» motif within literary fiction. By invoking Jorge Luis Borges's metaphor of the «Library of Babel», the concept of the «library» is interpreted as both a social and spiritual institution. It unites texts of world literature into a continuous whole — a seamless entity symbolizing humanity's accumulated knowledge, which is preserved and transmitted across generations. Particular attention is devoted to the idiosyncratic narrative organization of the novel. This paper argues that provocation, parody, and paradox — as facets of the overarching narrative strategy — intensify the author's intentionality. These elements reflect the writer's credo by highlighting the interplay between the rational and irrational, the constructive and the destructive. It is noted that Canetti succeeds in eliciting a genuine spectrum of emotions from the reader, ranging from astonishment and outrage to an acceptance of multiple interpretations instigated by both the implied author and the narrator. The novelty of this research lies in its chosen perspective, analyzing the work through the lens of narratology.

Key words:

Canetti; Babylonian Library; narrative strategy; provocation; parody; paradox.

«Вавилонская библиотека» Элиаса Канетти

© Шастина Е. М., Казакова Ю. К., 2026

1. Введение = Introduction

Великий библиотекарь современности, латиноамериканский писатель Хорхе Луис Борхес (1899—1986) в своем «кафкианском рассказе» «Вавилонская библиотека» представляет пространство Библиотеки как Вселенную, которая «беспредельна», человеческий род — «близок к угасанию, а Библиотека сохранится: освещенная, необитаемая, бесконечная, абсолютно неподвижная, наполненная драгоценными томами, бесполезная, нетленная, таинственная» [Борхес, 1984, с. 85]. Иными словами, Библиотека — вечно и безгранична, а человек — «несовершенный библиотекарь, мог появиться в результате случая или действия злых гениев», отсюда следует, что Библиотека «может быть только творением Бога» [Борхес, 1984, с. 81]. «Вавилонская библиотека», таким образом, представляет собой сакральное пространство, объединяющее два понятия «Вселенная / космос» и «культура». «Несовершенный библиотекарь» — это представитель профанного мира, его отношение к библиотеке может меняться, в его поведении угадываются изменения, происходящие в социуме и с социумом, особенно когда трансформационные процессы затрагивают культуру в целом и литературу / библиотеку / книгу в частности.

По мнению Борхеса, книга — это великое орудие человечества, которое является порождением авторского воображения и продолжением памяти, она изменяется в зависимости от читателя, «нельзя прочитать одну книгу дважды» [Борхес, 1997, с. 301], всякий раз в ней найдется нечто новое, ранее не замеченное, нуждающееся в переосмыслении, а это означает, что меняется читатель — и меняется рецепция книги.

Метафора «Вавилонская библиотека» позволяет абстрагироваться от частных и рассматривать Библиотеку как наивысшую инстанцию, отвечающую за сохранность и передачу культурных ценностей и знаний. Авторы статьи исходят также из того, что «Вавилонская библиотека» — собирательное понятие, не только объединяющее тексты мировой литературы в некий континуум — неразрывное целое, но и вдохновляющее ее обладателя на поиск своего пути в жизни и в искусстве, подпитывающее его

энергией, которая преобразуется в художественные образы на страницах литературных произведений.

Еще один гениальный писатель и не менее гениальный читатель и библиотечарь — итальянский мыслитель Умберто Эко (1932—2016), для которого Библиотека так же, как и Антибиблиотека, включающая коллекцию непрочитанных книг и, следовательно, указывающая на то, что предстоит постичь, является кладезем знаний и вечным ориентиром как для автора, так и для читателя. Герои романа Эко «Имя розы» [Эко, 1998] блуждают по лабиринтам монастырской библиотеки в поисках библиографического раритета, библиотека как символ знаний ревностно охраняется избранными — слепым монахом Хорхе и его последователями — от непосвященных. Роман демонстрирует «разное отношение к библиотеке: хранить, чтобы спрятать, или хранить, чтобы постоянно генерировать вновь и вновь старое, превращая его в новое» [Лотман, 1998, с. 667]. Априори литература является частью мировой Библиотеки, но она способна также создавать свой образ Библиотеки, «то возвышая, то снижая ее в соответствии с идеями разных культурных эпох и литературных формаций» [Чавдарова, 2021, с. 83].

Австрийский писатель Элиас Канетти по праву может быть причислен к великим библиофилам XX века, черпающим вдохновение из неиссякаемого источника мировой литературы. В «Заметках» Канетти в афористически меткой форме отдает дань своему главному увлечению — чтению: «Все позабытые книги, из которых состоят те, которые вспоминаются» [Канетти, 1990, с. 328]; или: «Больше всего тебе хотелось бы — какая скромность! — бессмертия, чтобы *читать*» (курсив автора заметок — Канетти. — *Е. Ш., Ю. К.*) [Канетти, 1990, с. 348]. «Вавилонская библиотека» самого Канетти складывалась в течение всей жизни, впитывая лучшие образцы мировой литературы, он считал жизненно необходимым делом постоянно пересматривать её «книжные полки». В эссе, посвященном Герману Броху, Канетти пишет о способности человека удивляться одновременно прямо противоположным вещам: «тысячелетнему воздействию какой-либо книги и одновременно тому, что не все книги долго сохраняют свое воздействие» [Канетти, 1990, с. 23]. Так, рассуждая о замысле романа «Ослепление», Канетти называет своих «учителей» — Гоголя, у которого он научился «свободе вымысла», Стендаля, чей роман «Красное и черное» обзирал «чувство языка» [Канетти, 2020, с. 368], Кафку, у которого была позаимствована «строгая манера письма» [Канетти, 1990, с. 127].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, включив в разговор понятие «Библиотека» / «Вавилонская библиотека», выявить специфику организации текстового пространства романа с позиций нарратологии.

Предметом исследования выступают провокация, пародия и парадокс как аспекты нарративной стратегии.

А. В. Белобратов, анонсируя в 2000 году переиздание на русском языке романа «Ослепление», помимо джойсовского «Улисса», прозы Кафки и Броча, назвал также Борхеса и Набокова как «параллельные ему явления в мировой литературе»: «по надмирности, ориентированности на культурное развитие человечества в целом, вне преград и рамок национального, и по изумительной <...> работе с материалом литературной и философской традиции» [Белобратов, 2000, с. 11—12].

Канетти — Борхес — Набоков удивительным образом созвучны друг другу в «большом времени». Не случайно, что Канетти и Борхес обращаются к библейской истории поверженного и ослепленного Самсона: для Канетти «не слепота, а процесс ослепления» стал ключевым для понимания «мира в состоянии распада», главный герой его романа «Ослепление» больше всего на свете боится слепоты, она способна лишить самого главного в жизни — общения с книгой [Канетти 2020, с. 125]. История жизни Борхеса — писателя и библиотекаря — в этом смысле более «оптимистична»: утративший физическое зрение, он обрел способность «внутреннего зрения» и это позволило ему «заглянуть» в глубины мироздания [Борхес, 2022, с. 503—507].

У Канетти, так же как и у Набокова, воображаемые универсумы и их текстуальные реальности не только допускают, но даже провоцируют множество прочтений, мнений и интерпретаций [Кудряшов, 2024, с. 275], что говорит об усложненности повествования. Оба писателя в полном объеме используют в своем творчестве всю палитру пародии [Шастина, 2014, с. 210]. В. В. Набоков различает формы пародии: пародия как «гротескное подражание» и как «изысканная шутливая игра» [Сысоева, 2013, с. 331]. Можно лишь предположить, что Канетти в большей степени тяготеет к гротеску, нежели к игре. По мнению биографа Канетти С. Ханушека, речь идет о романе-притче, где, несмотря на гротеск и сатиру, чувствуется автор-реалист, создающий миметические образы реального мира [Hanuschek, 2005, S. 239].

Актуальность исследования продиктована, с одной стороны, неослабевающим интересом отечественных и зарубежных литературоведов к творчеству Канетти. В 2024 году истек тридцатилетний срок действия ограничений на публикацию его литературного наследия и архивных материалов, хранящихся в Центральной библиотеке г. Цюриха. Сам этот факт позволяет, с учетом временной дистанции, по-новому взглянуть на все, что вышло из-под пера австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1981). Готовящееся к публикации переиздание его произведений, дополненное архивными материалами, является тому подтверждением и обещает заинтересованному читателю много новых открытий. С другой

стороны, исследование мотива библиотеки в художественном произведении представляется продуктивным для понимания проблем современного мира с его виртуальным аналогом «Вавилонской библиотеки», отношение к которому становится все более амбивалентным в силу одновременной полезности и опасности для человека.

2. Материал, методы, обзор= Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужил роман «Ослепление» (пер. с нем. С. Апта) («Die Blendung») [Канетти, 2000]. Автобиографическая трилогия (пер. с нем А. Карельского) «Спасенный язык. История одного детства» («Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend») [Канетти, 2021], «С факелом в голове. История жизни 1921—1931» («Die Fackel im Ohr: Lebensgeschichte 1921—1931») [Канетти, 2020], «На языке глаз. История жизни 1931—1937» («Augenspiel. Lebensgeschichte 1931—1937») [Канетти, 2023], а также заметки и эссе разных лет [Канетти, 1990] использовались в качестве иллюстративного (авто)биографического материала, подкрепляющего концептуальные положения исследования.

Роман «Ослепление» анализируется с позиции нарратологии. Это дает основание утверждать, что парадокс, пародия и провокация — больше, чем просто художественные приемы, это аспекты нарративной стратегии — «фундаментальной характеристики основных параметров сюжетно-повествовательного произведения, принципа взаимосвязи событийного ряда и коммуникативного намерения» [Жиличева, 2015, с. 10] автора, в случае с Канетти, стремящегося к поиску новой формы повествования, не так, «как в старых романах», то есть «с точки зрения одного писателя» [Канетти, 1990, с. 126]. Эта установка привела Канетти «к изобретению крайних индивидуумов», которые сопоставляются во всем их несходстве — прежде всего в манере изложения мысли, при помощи канеттиевского приема «акустической маски» и несобственно-прямой речи: она сменяет реплики персонажей, или, наоборот, речь героев плавно перетекает в несобственно-прямую речь. По мнению Н. С. Павловой, слова «от автора» или от «повествователя» потеснены, а порой и совсем отсутствуют» [Павлова, 2005, с. 173], при этом очевидно, что все повествование пронизано авторской иронией. В несобственно-прямой речи, обладающей высокой степенью диалогичности, заключены разные точки зрения на описываемые в романе события. Повествователь становится ненадежным рассказчиком, поскольку сбивает читателя с толку, заставляет задумываться о допустимости происходящего. Эти «излюбленные» приемы Канетти отражают «провал коммуникации», когда герои романа, общаясь друг с другом, демонстрируют неспособность слышать друг друга: «Автор строит образ как сложное игровое начало, образованное со-

пряжением многих точек зрения на него — автора, других персонажей, а также соотношением “фигур” романа с их литературными и мифологическими персонажами» [Федяева, 2000, с. 574].

Канетти намеренно примитивизирует своих персонажей, движимых инстинктами к обладанию, обогащению и славе, при этом усложняет повествовательную структуру романа. Созданная им нарративная картина мира определяет природу событийности в романе, когда «события рассказа» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403—404] «работают» на реализацию авторского замысла. Тривиальная, на первый взгляд история мезальянса становится нетривиальным событием рассказывания, что свидетельствует о своеобразии поэтики автора модернистского романа, которая прослеживается на разных уровнях организации текстового пространства. Библиотека — центральный мотив романа, вокруг которого разворачивается действие. Призванная служить гуманистическим и просветительским целям, библиотека в эпоху «новой реальности» превращается в мерило материального, а не духовного мира.

Мотив библиотеки в художественной литературе неоднократно являлся объектом исследования в отечественной и зарубежной науке [Матвеев, 2003; Чавдарова, 2021; Dickhaut, 2005; Gemmel, 2013; Gradmann, 2012; Hölter, 2015; Honold, 2008; Körte, 2008; Neumann, 2002; Stocker, 1998 и др.], что свидетельствует об актуальности проблемы и необходимости обращения к ней на материале творчества разных авторов. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, статья А. Хёлтера «Мотив библиотеки в литературоведческом дискурсе», в которой представлен обзор наиболее значимых научных работ, посвященных мотиву «библиотека» в художественной литературе, автор статьи не без иронии подмечает, что «нынешняя угроза библиотеке как институту компенсируется растущим вниманием филологов к этой проблеме» [Hölter, 2015].

Парадокс, пародия и провокация как аспекты нарративной стратегии строятся на сопряжении нарративной картины мира (природы событийности в повествуемом мире) [Тюпа, 2018, с. 19], нарративной модальности и нарративной интриги [Тюпа, 2011, с. 8—9].

Культурно-исторический метод, сочетающийся с нарративным анализом текста, выступает в качестве ведущего метода в настоящем исследовании.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Из восьми романов планировавшейся «Человеческой комедии заблуждений» был написан лишь один, который в последней авторской редакции получил название «Ослепление» («Die Blendung»), а главный герой из

Бранда превратился в Петера Кина. Подробностями создания романа и перипетиями его публикации Канетти делится в эссе «Первая книга — “Ослепление”» (1973) [Канетти, 1990, с. 119—129], а также в автобиографии [Канетти, 2023, с. 268—273], обращая, в частности, внимание, на переписку с Томасом Манном, который, проигнорировав опус молодого автора, после выхода романа «исправил свою неправоту» [Канетти, 2023, с. 269].

3.1. Роман «Ослепление» или история одной библиотеки

Итак, одной из пяти фигур романа стал Петер Кин — «книжный червь», обладатель «самой значительной частной библиотеки в этом большом городе» [Канетти, 2000, с. 32]. Библиотека, состоящая из двадцати пяти тысяч книг, стала его Вселенной, его бастионом, заменив собой весь мир, отгородив его от этого мира, его «книгоглотательство» стыкуется с изломом изображаемого мира» [Затонский, 2000, с. 19] — «голова без мира» живет в изолированном пространстве библиотеки, будучи неспособной противостоять «безголовому миру», в итоге «мир в голове» приводит к безумию и неминуемой трагедии.

С первых страниц романа разворачивается главная интрига, которая напрямую связана с библиотекой. Можно сказать, что библиотека — основа сюжетно-фабульной организации романа. Кин, находясь в постоянном страхе за сохранность своей библиотеки, женится на экономке Терезе, которая, по его мнению, могла бы стать хранительницей его бесценных книг, но в результате вынужден спасать их от алчной домоправительницы и ее сообщника привратника Пфаффа — садиста, мечтающего о собственном зверинце. Изгнанник Кин помещает книги в своей голове, создает, выражаясь современным языком, виртуальную библиотеку, которую загружает по утрам и выгружает по вечерам, носит с собой и попадает в связи с этим в зависимость от горбуна Фишерле, который стремится к мировой шахматной короне. Брат Кина, успешный парижский психиатр Георг возвращает Петеру его библиотеку, но возвращение прежней «идиллии» не происходит. Петер совершает аутодафе, его библиотека гибнет в пламени.

Сюжет романа строится на системе нарративных парадоксов, нарушении событийной последовательности, стирании границ реального и нереального, пародийных вставках, противоречивости описываемых событий с позиций разных рассказчиков и т. д.). Библиотека Кина «оживает», с книжных полок сходит Конфуций, в котором оторванный от реальности профессор угадывает будущего свата. Его детские воспоминания связаны только с книгами, книжными лавками и книготорговцами, которых он наделял королевским статусом. Гипертрофированное отношение к книгам проявляется в его восприятии окружающей реальности: «ведь гулять он ходил, чтобы подышать воздухом незнакомых книг» [Канетти, 2000, с. 37].

Парадоксально, как «противоречащее прежде пробужденному ожиданию» [Шмид, 2001, с. 9] звучит рассуждение Кина о родине: «Каждому человеку нужна родина, не такая, как понимают ее примитивные ура-патриоты, и не религия, вялое предвкушение родины на том свете, нет, а родина, смыкающая почву, работу, друзей, отдых и духовный мир в одно естественное, упорядоченное целое, в собственный космос. Лучшее определение родины — библиотека» [Канетти 2000, с. 83—84]. В этом высказывании скрыта истина, которую проповедует Кин. Библиотека — это Вселенная, ограниченная понятием родина.

Библиотека для Кина — детище, которое он, в угоду Терезе, «разрезал на части» [Канетти 2000, с. 96], ученые рассуждения Кина о природе органического и неорганического миров кажутся в этом контексте беспредметными, на первый план выходят мысли автора.

Библиотека трансформируется в сознании Кина. Так, в минуты опасности она становится возлюбленной, которую требуется защищать от врагов: «Любимую берут под защиту» [Канетти, 2000, с. 122]. Кин напоминает Дон Кихота, бесстрашно борющегося за честь своей Дульсинеи. Он знает множество примеров из истории, когда книги страдали, запах гари от сожжения книг китайским императором Ши-Хуанди по наущению его министра Ли Сы, преследует его.

3.2. Роман «Ослепление» или история одного библиотекаря

«Ученый с библиотекой необыкновенной величины ищет ответственную экономку. С предложениями пусть обращаются только люди самых твердых планов. Всякое отребье будет спущено с лестницы. Жалованье несущественно» [Канетти, 2000, с.48], — такое объявление Кин опрометчиво поместил в газету. Именно с этого момента начинается череда непредвиденных событий, ворвавшихся в размеренную жизнь книжного отшельника.

Кин называет себя библиотекарем, хотя сама идея, что его книги могут оказаться в руках кого-либо, ввергает его в ужас. «Первый Китаист своего времени» отказывается от участия в престижных конференциях, он полностью сосредоточен на «библиотеке своей головы» [Канетти, 2000, с. 42], в которой зафиксированы все необходимые цитаты и ссылки на использованные источники. Сам же он записывает лишь то, что «ему хотелось забыть» [Канетти, 2000, с.43].

Для Кина самая страшная опасность — слепота, невозможность контакта с книгами, судьба Эратосфена, великого александрийского библиотекаря, который предпочел смерть слепоте, пример, которому он готов был последовать с раннего детства. Однако Кин страдает слепотой другого рода, он слеп, когда речь идет о людях. Он не видит их истинного лица, их пороков. Но при этом, странным образом, он прибегает к мнимой слепоте

те как к оружию. Неожиданным открытием для Кина становится то, что «в состоянии слепоты он научился пользоваться своими ногами. Прежде они мешали ему при каждом движении <...>. Теперь они ступали твердо и расчетливо» [Канетти, 2000, с. 99]. Как известно, в литературном парадоксе заключено диалектическое взаимодействие противоположностей [Федосеева 2013, с. 90]. В сентенции Кина относительно того, что «слепота — оружие против времени и пространства; наше существование — сплошная, чудовищная слепота <...> Господствующий принцип вселенной — слепота. Горе слабым созданиям, которые позволяют себе видеть что попало» [Канетти, 2000, с. 100—101], заключен парадокс. Вывод повествователя относительно того, что в этом контексте «Кин отнюдь не обманывал себя самого» [Канетти, 2000, с. 101], усиливает глубину мысли, на которую следует обратить внимание, поскольку слепота — конечная фаза ослепления.

Автор провоцирует читателя, включая в повествование персонажей, манипулирующих сознанием Кина, причем как реальных, например, втершегося в доверие Фишерле или привратника Пфаффа, так и вымышленных, например Конфуция, который дает «житейские» советы, благословляет Кина на женитьбу, Будду, «кому он обязан был решающим поворотом в своем развитии» [Канетти, 2000, с. 129], отказав, однако, «фантастическому аду немецкой философии» в лице Шопенгауэра, Гегеля, Шеллинга, Фихте и Канта [Канетти, 2000, с. 129—130].

Кин обращается к книгам, как к верным поданным, пародируя в своем монологе пафосную, «хорошо подготовленную речь» «верховного главнокомандующего, единственного вождя и военачальника» [Канетти, 2000, с. 128] к собственному войску. Эффект усиливается от употребления военной терминологии, которой избилует глава «Мобилизация»: «враг», «опасность», «договор», «преступление», «деспот», «конфискация», «варвар», «оборона», «монолитная корпорация», «священная война», «оружие», «командирский тон», «война», «пароль», «власть», «армия», «дисциплинарный устав» и др. Кин предостерегает книги от людей толпы (позднее идея массы и власти, которая, несомненно, присутствует в романе в качестве еще одного мотива, будет подробно исследована в одноименном философском труде).

Упомянутая выше аллюзия на сервантесовского героя Рыцаря печального образа визуализируется при виде долговязого, тощего Кина и горбуна Фишерле, ставшего для него верным спутником, подобно оруженосцу Санчо Панса, хотя внешне Фишерле больше напоминает гофмановского Крошку Цахеса [Федяева, 2000, с. 584]. Сходство с идальго проявляется не только в облике, но и в речи Кина: «Я не коммерсант, я ученый и библиотечар! <...> Поступайте ко мне на службу, и я позабочусь о вас» [Канетти,

2000, с. 242]. Кин в роли Дон Кихота признает житейские преимущества своего помощника: «Фишерле обладает как раз тем, чего нет у него. Знанием практической жизни до последней мелочи» [Там же, с. 318].

Ретроспективное чтение романа выявляет провокационный характер снов Кина. Так, пожар в библиотеке во сне — «самом ужасном на его памяти» [Там же, с. 65] — в начале романа становится реальностью в заключительной главе «Красный петух».

3.3. Библиотека как метафора бытия

Итак, библиотека в романе «Ослепление» является своеобразным симулякром, подменяющим истинное наполнение понятия «Вавилонская библиотека». Библиотека в романе — основа сюжета и фабулы. С одной стороны, она — хранилище книг, с другой стороны — главное место противостояния Кина и Терезы, кульминацией которого является аутодафе. Библиотека в руках Терезы «монетизируется», становится капиталом, который она тщательно пересчитывает. Для Терезы библиотека — возможность разбогатеть, обрести свою собственность и, следовательно, уверенность, наконец почувствовать свою привлекательность в общении с мужчинами. Разыгрывая мнимое почтение к книгам до замужества, она полностью разоблачает себя, показывая свою сущность. У Пфаффа и Фишерле также самое приземленное отношение к книгам.

Для Кина библиотека выполняет самые различные функции, ее назначение меняется в зависимости от превратностей судьбы: библиотека — родина в самом высоком смысле этого слова; возлюбленная, которую нужно оберегать и защищать, в ситуации наивысшей опасности книги превращаются в воинов, проливающих кровь, и т. д. Однако Кину также не чужда «меркантильность», его заветное желание — «расширить библиотеку до восьми комнат вместо четырех», поскольку это означает развитие, нельзя стоять на месте, ведь сорок лет — не старость [Там же, с. 177].

Библиотека для Кина — место, где «он тоскует о будущем, потому что тогда будет на свете больше прошлого» [Там же, с. 203]. Эта мысль находится в противоречии с общепринятым мнением, она парадоксальна по своей природе, но дает повод задуматься о течении времени, об относительности «большого» времени.

4. Заключение = Conclusions

Априори в число самых обсуждаемых «библиотечных текстов» в мировой литературе традиционно попадают произведения Х. Л. Борхеса «Вавилонская библиотека», У. Эко «Имя розы» и Э. Канетти «Ослепление». Этим авторов объединяет топос Библиотека, в который каждый из авторов вносит свое понимание: Библиотека как модель мира, пространство куль-

туры, знания и памяти («Вавилонская библиотека»), как лабиринт и поиск истины («Имя розы»), как хронотоп, объединяющий сакральное и профанное («Ослепление»); мотив слепоты — физическая слепота и «внутреннее зрение» Борхеса, слепой монах Хорхе, хранитель библиотеки, консервативный противник всего нового у Эко, Кин у Канетти, который больше всего на свете боится слепоты, а по сути является слепцом, неспособным к принятию решения. Романы «Имя розы» и «Ослепление» заканчиваются пожаром в библиотеке и гибелью протагонистов.

Выбранная в настоящем исследовании метафора «Вавилонская библиотека» выступает точкой отчета и своеобразным камертоном. В разные периоды развития общество по-разному формулирует задачи, решение которых возлагается на Библиотеку. В отечественном и зарубежном литературоведении начиная с 1980-х годов данной проблеме посвящено большое количество исследований, мотив библиотеки находит отражение в кино и художественной литературе [Матвеев, 2003; Hölter, 2026 и др.].

Роман Канетти «Ослепление», логично вписавшийся в модернистскую художественную парадигму, послужил материалом для настоящего исследования. Провокация, пародия и парадокс как аспекты нарративной стратегии составили предмет исследования.

Проведенное исследование подтвердило мысль, что «фирменный» стиль Канетти, впитавший в себя такие художественные приемы, как парадокс, провокация и пародия, «работает» на реализацию авторского замысла — поиска литературной формы для изображения надвигающейся «новой реальности».

Методологической основой исследования выступает концепция В. И. Тюпы, согласно которой нарративная картина мира, нарративная модальность и нарративная интрига — элементы, необходимые для осмысления роли парадокса, провокации и пародии как аспектов нарративной стратегии. Исследование выявило, что перечисленные аспекты нарративной стратегии выступают доминирующими признаками поэтики романа «Ослепление» как на уровне «события рассказа», так и на уровне «события рассказывания», будучи способом организации повествования, отражают художественный мир писателя, его писательское кредо, указывающее на связь рационального и иррационального, конструктивного и деструктивного. Канетти удается вызвать у читателя настоящий спектр эмоций — от удивления и возмущения до принятия разных интерпретаций, спровоцированных как автором, так и редактором.

Роман «Ослепление», как и все творчество Канетти, достаточно хорошо изучены в зарубежном и отечественном литературоведении. Однако меняющийся мир заставляет вновь и вновь обращаться к произведениям

классической литературы, считывать их профетический характер в поиске ответа на острые вопросы современности, к которым, несомненно, относятся тревожные трансформационные процессы в сфере чтения. Понятие «Вавилонская библиотека» как некий идеализированный образ пространства, отвечающего за сохранность и передачу знаний и культурных ценностей, становится предметом дискуссий. Роман «Ослепление» Канетти провокационно обостряет проблемы сегодняшнего дня.

Перспективным представляется исследование с позиций нарратологии, например, драматических произведений Канетти, в частности, не публиковавшейся ранее пьесы «Die Affenoper» («Обезьянья опера»), выход которой запланирован на 2026 год [Wachinger, 2025].

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Борхес Х. Л.* Проза разных лет : Сборник / Х. Л. Борхес ; Пер. с исп. ; Составл. и предисл. И. Тертерян ; Коммент. Б. Дубинина. — Москва : Радуга, 1984. — 320 с.
2. *Борхес Х. Л.* Сочинения в трех томах. Издание второе, дополненное / Х. Л. Борхес. — Москва : Полярис, 1997. — Т. 3. — 607 с.
3. *Борхес Х. Л.* Думая вслух. Семь вечеров / Х. Л. Борхес. — Москва : КоЛибри, 2022. — 384 с. — ISBN 978-5-389-21424-8.
4. *Канетти Э.* Человек нашего столетия / Э. Канетти ; пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; Коммент. Р. Г. Каралашвили. — Москва : Прогресс, 1990. — 474 с. — ISBN 5-01-002099-8.
5. *Канетти Э.* Ослепление : роман / Э. Канетти ; Пер. с нем. С. Апта ; Предисл. Д. Затонского ; Коммент. Т. Федяевой. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000. — 597 с. — ISBN 5-89091-117-1.
6. *Канетти Э.* С факелом в голове. История жизни 1921—1931 / Э. Канетти ; Пер. с нем А. Карельского. — Москва : Отто Райхль, 2020. — 372 с. — ISBN 978-5-6041547-4-8.
7. *Канетти Э.* Спасенный язык. История одного детства / Э. Канетти ; Пер. с нем А. Карельского. — Москва : Отто Райхль, 2021. — 354 с. — ISBN 978-3-87667-436-0.
8. *Канетти Э.* На языке глаз. История жизни 1931—1937 / Э. Канетти ; Пер. с нем А. Карельского. — Москва : Отто Райхль, 2023. — 330 с. — ISBN 978-5-6041547-7-9.
9. *Эко У.* Имя розы / У. Эко. — Москва : Художественная литература, 1998. — 669 с.

Литература

1. *Белобратов А. В.* Библиотека, кабак, ломбард и сумасшедший дом : роман Элиаса Канетти в контексте «Экслибриса» / А. В. Белобратов // Петербургский книжный вестник. — 2000. — № 5 (16). — С. 11—12.
2. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.

3. *Жиличева Г. А.* Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920—1950-х гг. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.08. / Г. А. Жиличева. — Москва, 2015. — 50 с.

4. *Затонский Д.* Предисловие. Элиас Канетти, автор «Ослепления» / Д. Затонский // Э. Канетти. Ослепление : Роман. Коммент. Т. Федяевой. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000. — С. 5—26. — ISBN 5-89091-117-1.

5. *Кудряшов И. А.* Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь» / И. А. Кудряшов, О. П. Рябко, Н. О. Григорьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 273—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-273-291.

6. *Лотман М. Ю.* Выход из лабиринта / М. Ю. Лотман // У. Эко. Имя розы. — Москва : Художественная литература, 1998. — С. 650—669.

7. *Матвеев М. Ю.* Образ библиотеки в произведениях художественной литературы / М. Ю. Матвеев, Д. К. Равинский // Литературно-социологические очерки. — Российская национальная библиотека. — Санкт-Петербург : РНБ, 2003. — 136 с. — ISBN 5-8192-0171-X.

8. *Павлова Н. С.* Природа реальности в австрийской литературе / Н. С. Павлова. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 312 с. — ISBN 5-9551-0106-3.

9. *Сысоева О. А.* Литературная пародия: проблема жанра / О. А. Сысоева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 5 (1). — С. 330—335.

10. *Тюпа В. И.* Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.

11. *Тюпа В. И.* Жанровая природа нарративных стратегий. Лейдермановские чтения : эстетика минимализма / В. И. Тюпа // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 19—24.

12. *Федосеева Т. В.* К вопросу о литературном парадоксе / Т. В. Федосеева, Г. И. Ершова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2013. — № 1 (38). — С. 83—92.

13. *Федяева Т. А.* Комментарии / Т. А. Федяева // Канетти Э. Ослепление : роман. Пер. с нем. С. Апта ; Предисл. Д. Затонского ; Коммент. Т. Федяевой. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000. — С. 573—597. — ISBN 5-89091-117-1.

14. *Чавдарова Д.* Книга / литература / библиотека как антиценность в творчестве В. Брюсова и А. Блока / Д. Чавдарова // Филологический класс. — 2021. — Т. 26. — № 4. — С. 76—84. — DOI: 10.51762/IFK-2021-26-04-06

15. *Шастина Е. М.* Э. Канетти и В. Набоков : поэтика пародийности / Е. М. Шастина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 8. — С. 210—212.

16. *Шмид В.* Заметки о парадоксе / В. Шмид // Парадоксы русской литературы : Петербургский сборник статей под ред. В. Марковича, В. Шмида. — Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 2001. — Выпуск 3. — С. 9—16.

17. *Dickhaut K.* Das Paradox der Bibliothek. Metapher, Gedächtnisort, Heterotopie / K. Dickhaut // Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung. Hg. von Günter Oesterle. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. — S. 297—331. — ISBN 978-3-525-35585-5.

18. *Gemmel M.* Wissensräume. Bibliotheken in der Literatur / M. Gemmel, V. Margit. — Berlin : Ripperger & Kremers, 2013. — 352 S. — ISBN 978-3-943999-03.

19. *Gradmann S.* “Bibliothek“ als Begriff und Metapher : Von der Büchersammlung zur Programmbibliothek / S. Gradmann // *Handbuch Bibliothek. Geschichte, Aufgaben, Perspektiven.* Hg. von Konrad Umlauf und Stefan Gradmann. — Stuttgart, Weimar : Metzler 2012. — S. 3—10. — ISBN 978-3-476-02376-6.

20. *Hanuschek S.* Elias Canetti. Biographie / S. Hanuschek. — München, Wien : Carl Hanser Verlag, 2005. — 800 S. — ISBN 3-446-20584-5.

21. *Hölter A.* Das Bibliotheksmotiv im literaturwissenschaftlichen Diskurs [Electronic resource] / A. Hölter. — Access mode : https://complit.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_complit/Achim_Hoelter/Publikationen__pdfs/_D_93_-_Hoelter_-_Das_Bibliotheksmotiv_im_literaturwissenschaftlichen_Diskurs_OCR.pdf (accessed 05.01.2026).

22. *Honold A.* Canettis „Blendung“ und die brennende Bibliothek. Zur Literaturgeschichte des Autodaf's / A. Honold // *Der Überlebende und sein Doppel. Kulturwissenschaftliche Analysen zum Werk Elias Canettis.* Hg. von Susanne Lüdemann. — Freiburg, Berlin, Wien : Rombach, 2008. — S. 75—95. — ISBN 978-3-7930-9474-6.

23. *Körte M.* Von Buchstabenessern und Bücherstürmern. Der uneigentliche Gebrauch der Bücher bei Elias Canetti / M. Körte // *Der Überlebende und sein Doppel. Kulturwissenschaftliche Analysen zum Werk Elias Canettis.* Hg. von Susanne Lüdemann. — Freiburg, Berlin, Wien : Rombach, 2008. — S. 109—124. — ISBN 978-3-7930-9474-6.

24. *Neumann G.* Bibliothek und Psychiatrie. Wissensordnung und Autodafe in Canettis Roman „Die Blendung“ / G. Neumann // *Masse und Medium. Verschiebungen in der Ordnung des Wissens und der Ort der Literatur 1800/2000.* — Berlin : Akademie, 2002. — S. 97—112. — ISBN 978-3-05003-531-4.

25. *Stocker G.* Das Motiv der Bibliothek in der Literatur des 20. Jahrhunderts. Zur Aktualität der Motivforschung / G. Stocker // *Weimarer Beiträge* 44. — 1998. — S. 554—574.

26. *Wachinger K.* Kleine zusammenfassende Vorstellung der Zürcher Ausgabe sämtlicher Werke von Elias Canetti [Electronic resource] / K. Wachinger // *Tagung : Elias Canetti — Der Ohrenzeuge des Jahrhunderts vom 14.10.2025.* — Access mode : <https://eliascanetti.org/2025/10/20/tagung-elias-canetti-der-ohrenzeuge-des-jahrhunderts/> (accessed 09.01.2026).

*Статья поступила в редакцию 11.01.2026,
одобрена после рецензирования 05.05.2026,
подготовлена к публикации 20.06.2026.*

Material resources

Borges, H. L. (1984). *Prose of different years: Collection.* Moscow: Raduga Publ. 320 p. (In Germ.).

Borges, H. L. (1997). *Works in three volumes. Second edition, expanded,* 3. Moscow: Polaris. 607 p. (In Germ.).

Borges, H. L. (2022). *Thinking out loud. Seven evenings.* Moscow: KoLibri. 384 p. ISBN 978-5-389-21424-8. (In Germ.).

Canetti, E. (1990). *The man of our century.* Moscow: Progress. 474 p. ISBN 5-01-002099-8. (In Germ.).

Canetti, E. (2000). *Blinding: a novel.* St. Petersburg: Symposium. 597 p. ISBN 5-89091-117-1. (In Germ.).

Canetti, E. (2020). *With a torch in his head. The history of life 1921—1931.* Moscow: Otto Reichl. 372 p. ISBN 978-5-6041547-4-8. (In Germ.).

- Canetti, E. (2021). *The Saved Language. The story of one childhood*. Moscow: Otto Reichl. 354 p. ISBN 978-3-87667-436-0. (In Germ.).
- Canetti, E. (2023). *In the language of the eyes. The history of life 1931—1937*. Moscow: Otto Reichl. 330 p. ISBN 978-5-6041547-7-9. (In Germ.).
- Eco, U. (1998). *The name of the rose*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 669 p. (In Germ.).

References

- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 504 p. (In Germ.).
- Belobratov, A. V. (2000). Library, tavern, pawnshop and madhouse: a novel by Elias Canetti in the context of the “Ex-Libris”. *St. Petersburg Book Bulletin*, 5 (16): 11—12. (In Germ.).
- Chavdarova, D. (2021). Book / literature / library as an anti-value in the works of V. Bryusov and A. Blok. *Philological class*, 26 (4): 76—84. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-06. (In Germ.).
- Dickhaut, K. (2005). Das Paradox der Bibliothek. Metapher, Gedächtnisort, Heterotopie. In: *Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 297—331. ISBN 978-3-525-35585-5. (In Germ.).
- Fedoseeva, T. V., Ershova, G. I. (2013). On the literary paradox. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 1 (38): 83—92. (In Germ.).
- Fedyeva, T. A. (2000). *Comments*. In: *Canetti E. Blinding: a novel. Translated from German by S. Apt*. St. Petersburg: Symposium. 573—597. ISBN 5-89091-117-1. (In Germ.).
- Gemmel, M., Margit, V. (2013). *Wissensräume. Bibliotheken in der Literatur*. Berlin: Ripperger & Kremers. 352 S. ISBN 978-3-943999-03. (In Germ.).
- Gradmann, S. (2012). “Bibliothek“ als Begriff und Metapher: Von der Büchersammlung zur Programmbibliothek. In: *Handbuch Bibliothek. Geschichte, Aufgaben, Perspektiven*. Stuttgart, Weimar: Metzler. 3—10. ISBN 978-3-476-02376-6. (In Germ.).
- Hanuschek, S. (2005). *Elias Canetti. Biographie*. München, Wien: Carl Hanser Verlag. 800 S. ISBN 3-446-20584-5. (In Germ.).
- Hölter, A. *Das Bibliotheksmotiv im literaturwissenschaftlichen Diskurs*. Available at: https://complit.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_complit/Achim_Hoelter/Publikationen_pdfs/D_93_-_Hoelter_-_Das_Bibliotheksmotiv_im_literaturwissenschaftlichen_Diskurs_OCR.pdf (accessed 05.01.2026). (In Germ.).
- Honold, A. (2008). Canettis „Blendung“ und die brennende Bibliothek. Zur Literaturgeschichte des Autodafıs. In: *Der Überlebende und sein Doppel. Kulturwissenschaftliche Analysen zum Werk Elias Canettis*. Freiburg, Berlin, Wien: Rombach. 75—95. ISBN 978-3-7930-9474-6. (In Germ.).
- Körte, M. (2008). Von Buchstabenessern und Bücherstürmern. Der uneigentliche Gebrauch der Bücher bei Elias Canetti. In: *Der Überlebende und sein Doppel. Kulturwissenschaftliche Analysen zum Werk Elias Canettis*. Freiburg, Berlin, Wien: Rombach. 109—124. ISBN 978-3-7930-9474-6. (In Germ.).
- Kudryashov, I. A., Ryabko, O. P., Grigoryeva, N. O. (2024). Unreliable Narrator and Its Pragmatic Effects in V. V. Nabokov’s “Pale Fire”. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 273—291. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-273-291>. (In Russ.).
- Lotman, M. Y. (1998). Exit from the labyrinth. In: *U. Eco. The name of the rose*. Moscow: Fiction. 650—669. (In Germ.).

- Matveev, M. Y., Ravinsky, D. K. (2003). The image of the library in the works of fiction. In: *Literary and sociological essays. Russian National Library*. St. Petersburg: RNB. 136 p. ISBN 5-8192-0171-H. (In Germ.).
- Neumann, G. (2002). Bibliothek und Psychiatrie. Wissensordnung und Autodafe in Canetti's Roman „Die Blendung“. In: *Masse und Medium. Verschiebungen in der Ordnung des Wissens und der Ort der Literatur 1800/2000*. Berlin: Akademie. 97—112. ISBN 978-3-05003-531-4. (In Germ.).
- Pavlova, N. S. (2005). *The nature of reality in Austrian literature*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-9551-0106-3. (In Germ.).
- Schmid, V. (2001). Notes on the paradox. In: *Paradoxes of Russian literature, 3*. St. Petersburg: INAPRESS. 9—16. (In Germ.).
- Shastina, E. M. (2014). E. Canetti and V. Nabokov: the poetics of parody. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 8*: 210—212. (In Germ.).
- Stocker, G. (1998). Das Motiv der Bibliothek in der Literatur des 20. Jahrhunderts. Zur Aktualität der Motivforschung. *Weimarer Beiträge 44*. 554—574. (In Germ.).
- Sysoeva, O. A. (2013). Literary parody: the problem of genre. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 5 (1)*: 330—335. (In Germ.).
- Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of the novel. *New Philological Bulletin, 3 (18)*: 8—25. (In Germ.).
- Tyupa, V. I. (2018). The genre nature of narrative strategies. Leiderman readings: Aesthetics of Minimalism. *Philological class, 2 (52)*: 19—24. (In Germ.).
- Wachinger, K. (2025). Kleine zusammenfassende Vorstellung der Zürcher Ausgabe sämtlicher Werke von Elias Canetti. *Tagung: Elias Canetti — Der Ohrenzeuge des Jahrhunderts vom 14.10.2025*. Available at: <https://eliascanetti.org/2025/10/20/tagung-elias-canetti-der-ohrenzeuge-des-jahrhunderts/> (accessed 09.01.2026). (In Germ.).
- Zatonsky, D. (2000)> Preface. Elias Canetti, author of “Dazzle”. In: E. Canetti. *Blinding: A novel*. Saint Petersburg: Symposium. 5—26. ISBN 5-89091-117-1. (In Germ.).
- Zhilicheva, G. A. (2015). *Narrative strategies in the genre structure of the novel (based on the material of Russian prose from the 1920s to the 1950s)*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 50 p. (In Germ.).

*The article was submitted 11.01.2026;
approved after reviewing 05.05.2026;
accepted for publication 20.06.2026.*